

Аркадий Троепольский
(Калининград)

СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК НАУКА

Показывается, что причину утраты общей основы философствования составляет появление критической философии Канта. На основе положений феноменологической школы об интенциональности сознания человека, а также положений общей логики выявляется слабое звено системы И. Канта – существование объектов в идее. Таким путем восстанавливается представление о корректности допущения онтологического существования метафизических сущностей, в частности Бога как метафизической сущности. В итоге делается вывод о возможности систематической философии в статусе науки.

Ключевые слова: систематическая философия, светская философия, религиозная философия, метафизика, относительность границы между субъектом и объектом, критерии научности теории, интенциональность сознания, экзистология, философская картина мира, Бог.

Астоящая статья адресуется читателям, которые интересуются проблемой научности философии, и описывает путь конституирования систематической философии в статусе науки со ссылкой на ранее опубликованные автором работы и с добавлением некоторых принципиальных инноваций, которые в этих работах отсутствуют.

Начнем с первичных представлений человека о философии. Думается, что каждый образованный человек зрелого возраста имеет определенный дискурсивный образ мира, и этот образ определяет нормы его поведения. По мере дальнейшего приобретения опыта и знаний

человек расширяет свое представление о мире, и у него возникает желание выделить в дискурсивной картине мира интерсубъективное содержание через обращение к науке философии. По его разумению, философия есть предельно общая наука, которая на основе обобщения данных частных наук, культуры и общественно-исторической практики обогащает свое содержание в направлении поиска первоначал мира и конечных целей жизни человека. При этом он ожидает, что философия как наука откроет ему понимание смысла жизни и подскажет оптимальную стратегию преодоления всех вызовов, с которыми он может встретиться на своем жизненном пути.

Однако, как известно, этот наивный взгляд человека на философию был утрачен в связи с подобным коперниканскому переворотом, который совершил в философии Иммануил Кант, предложивший критически мыслящим людям новую основу философствования. Принимая традиционное деление мира человека на внешний и внутренний (на «Я» и «не-Я», мир объектов и мир субъектов, сферу объекта и сферу субъекта), Кант заполнил внешний мир непознаваемыми «вещами в себе» — вещами, существующими вне человеческого восприятия, и явлениями, то есть вещами как они являются сознанию человека, будучи преломленными в нем априорными формами чувственности (пространством и временем) и априорными категориями рассудка (двенадцатью трансцендентальными категориями), среди которых причина и следствие выполняют конституирующую роль опытного познания. При этом Кант отмежевывается от субъективно-идеалистических представлений Беркли, согласно которым вещи в мире человека суть совокупности его ощущений [1, т. 4 (1), с. 110].

Важно отметить, что внешний мир человека (сфера объектов) у Канта имеет, условно говоря, двухуровневую структуру: нижний уровень этого мира представлен метафизическими «вещами в себе», то есть вещами вне человеческого восприятия, а верхний уровень — явлениями, то есть вещами, воспринимаемыми людьми через пространство и время и через трансцендентальные категории рассудка¹. Для наук о природе это физические вещи в широком смысле слова. Кант в явном виде не дает определений физических и метафизических вещей (объектов, сущностей), однако указывает на границу между ними через различение абсолютного существования вещей и существование вещей в идее. Из анализа философской системы Канта становится яс-

¹ Термины «нижний», «высший» условны. Термин «нижний» мы применяем к вещам в себе, потому что высший уровень (явления) возникает в результате афицирования чувственности вещами в себе.

ным, что в его системе область метафизических сущностей представлена «вещами в себе», вещами, мыслимыми в объемах трансцендентальных категорий, ноуменами и вещами, существующими в идее, а область физических вещей — вещами в границах возможного опыта, то есть вещами, контитуируемыми пространством и временем, а также категориями рассудка. Согласно Канту, описанные метафизические сущности определяют предметную область метафизики — область мира человека, существование которой подразумевается, когда его мышление выходит за границы возможного опыта.

Ясно, что такое понимание предметной области метафизики придает последней статус наиболее теоретической части философии. При этом Кант различает метафизику чувственного и метафизику сверхчувственного². В целом и во многих существенных деталях они описаны нами в книге [7]. Также в этой работе рассмотрены проблемы научности метафизики в критической философии Канта и в аналитической философии Карнапа. В настоящей статье мы отметим лишь некоторые существенные характеристики метафизики Канта, которые необходимо учесть при конституировании научной философии и которые не были представлены в указанном издании.

Речь идет о статусе существования таких метафизических сущностей, как *причина* и *следствие*, а также метафизической сущности *Бог*. Их первоначальный статус одинаков — это существование в идее, то есть воображаемое существование.

Данную ситуацию убедительно подтверждает следующий тест. На просьбу показать дом любой испытываемый укажет на какой-то определенный чувственно воспринимаемый конкретный дом, а на просьбу показать причину ничего не покажет, потому что причина как сущность (объект) непосредственно не фиксируется органами чувств человека и, следовательно, является метафизической сущностью, как и сущность *Бог*. Это позволяет заключить, что причина, как и сущность *Бог*, первоначально существует лишь в идее. Однако, согласно Канту, под понятие «причина» все-таки можно подвести определенное чувственное восприятие и, таким образом, сделать его непустым, в отличие от понятия «Бог», что позволяет немецкому философу отнести понятия «причина» и «следствие» к метафизике чувственного, а понятие «Бог» — к метафизике сверхчувственного. При этом следует иметь в виду следующую дистинкцию. По Канту, подведение чувственных восприятий под понятия «причина» и «следствие» позволяет получить

² Термин «метафизика чувственного» введен нами по ассоциации с термином «метафизика сверхчувственного».

из суждений восприятия, не обладающих необходимостью, необходимые суждения опыта, а само пустое метафизическое понятие «причина» перевести в статус непустого физического понятия опытных наук, то есть наук о природе. В силу этого Кант придает метафизике чувственного высокий познавательный статус и даже называет ее наукой, в чем он отказывает метафизике сверхчувственного.

В реконструктивном анализе концепции метафизики Канта [7, с. 88–89] нами установлено, что Кант при оценке научности метафизики исходил из следующих принципов научности содержательных теорий:

- 1) научное знание должно оперировать непустыми понятиями;
- 2) оно не должно быть изложено противоречиво;
- 3) необходимая истинность синтетических суждений научной теории должна быть обоснована в результате применения к ним некоторой общезначимой и эффективной процедуры.

В книге [7, с. 89–94] показано, что в кантовской метафизике чувственного не выполняются принципы (1) и (3). На этом основании мы делаем вывод, что метафизику чувственного Канта нельзя квалифицировать в качестве научной части метафизики в целом. Далее, при анализе метафизики сверхчувственного [7, с. 94–106] мы установили, что Кант, несмотря на некоторые колебания, все же постулирует пустоту чистых понятий разума (трансцендентальных идей разума) на основании того, что метафизику сверхчувственного нельзя изложить непротиворечиво. Данное обстоятельство связано с тем, что разум, когда его применяют для рассуждения о сверхчувственных сущностях, обнаруживает свою внутреннюю диалектичность, то есть способность логически корректно доказывать как некий тезис об этих сущностях, так и антитезис. Это, собственно, и позволяет предположить, что подобные сущности не существуют.

Видимо, данное обстоятельство побудило Канта вынести следующий окончательный приговор метафизике сверхчувственного в ее неспособности стать наукой: так как разум всегда проявляет интерес к сверхчувственному, то, с одной стороны, всегда существовала, существует и будет существовать метафизика как природная склонность разума человека. С другой стороны, у каждого человека, и в особенности мыслящего, эта метафизика будет на свой лад, так как в ней отсутствует «общее мерило» — метод обоснования необходимости истинности ее синтетических суждений [1, т. 4 (1), с. 192].

Этот «сухой остаток» исследования метафизики Кантом существенно изменил профиль философии как познавательной дисциплины.

Во-первых, ключевая сущность для мировоззрения человека — сущность *Бог* — переведена Кантом из сферы объекта в сферу субъекта и выполняет исключительно методологическую функцию в теоретической и практической деятельности людей. Вследствие этого познавательный вектор философии с необходимостью сосредотачивается на внутреннем мире человека, и философия может дать ему ответы лишь на некоторые вопросы о нем самом, а именно: *что он может знать? что он должен делать? на что он может надеяться? что есть человек?*

Оставшиеся в сфере объекта метафизические сущности — «вещи в себе», то есть вещи вне человеческого восприятия (вещи сами по себе. — А. Т.), — по определению недоступны для познания, а физические сущности, то есть вещи как они предстают человеческому сознанию в пространственно-временной форме («вещи для нас»), репрезентируют предметную область наук о природе (естествознания) и выпадают из предметной области философии. Таким образом, в новом профиле философии ее онтологическая часть предельно минимизируется, и ее можно полностью выразить следующим утверждением: *Мы, люди, живем в мире непознаваемых вещей в себе; напротив, наш внутренний мир имеет богатое содержание и открыт для дальнейшего познания.*

Во-вторых, перенос метафизической сущности *Бог* в сферу субъекта и придание ей статуса существования в идее ослабляют позиции религиозного мировоззрения и усиливают позиции мировоззрения атеистического.

В-третьих, приписывание разуму способности логически корректно доказать как тезисы, так и антитезисы относительно свойств отдельных метафизических сущностей дает основание каждому философу внешне рационализировать собственные онтологические концепции, которые по своей интенции являются проекциями во внешний мир скрытых инстинктов и предпочтений их авторов, что лишает эти концепции статуса научности.

В целом предложенная Кантом общая модель философствования лишает философию статуса науки, существенно подрывает основы религии и усиливает позиции светской философии. Видимо, поэтому основа философствования, предложенная им, стала авторитетной для ученых, философов и просто образованных людей, стоящих на атеистических позициях. Однако всех критически мыслящих людей, испытывающих потребность в получении информации о мире человека в статусе знания, а не в статусе веры, эта основа философствования приводит к глубокому разочарованию в философии как познавательной дисциплине. Не случайно сам Кант констатировал, что способ-

ность человеческого разума доказывать как тезисы, так и антитезисы относительно одной и той же метафизической сущности и возможность на этой основе для каждого философа развивать метафизику на свой лад повергает критического философа в раздумье и беспокойство [1, т. 4 (1), с. 161].

Эта волна беспокойства, видимо, побудила Эдмунда Гуссерля вновь обратиться к проблеме научности философии [2]. Она докатилась до наших дней, обозначившись и в отечественной философии. Так, весьма драматично воспринимается констатация С.М. Половинкиным того, что в начале третьего тысячелетия философы не имеют общей основы философствования, что пространство философии раздроблено на несвязанные конгломераты, что в самой Философии столько философий, сколько в ней философов [3; 4]. К этому следует добавить, что в настоящее время философия как область знания представлена огромным количеством монографий и статей, которые содержательно слабо связаны между собой и не способствуют формированию у читателя целостного взгляда на мир. Напрашивается вопрос: можно ли создать действительно общую основу философствования с перспективой роста на ней философского знания? Для ответа на этот вопрос снова вернемся к парадигме философии как познавательной дисциплины, предложенной Кантом. Необходимость такого возврата диктуется тем, что немецкий мыслитель дал наиболее глубокий для его времени анализ проблем метафизики. Не случайно Лев Шестов, один из признанных знатоков философии Канта, высказал мысль о том, что путник, идущий по стране *Философии*, не может пройти мимо моста, имя которому – Кант.

Итак, вернемся к пониманию Кантом метафизики.

Во-первых, мы сталкиваемся здесь со следующим парадоксом. Отклоняя традиционную догматическую метафизику за невыполнение в ней критериев научности (предметность, непротиворечивость, общезначимость и эффективность), Кант замещает ее своей метафизикой, основные положения которой («вещи в себе» существуют объективно; они непознаваемы; Бог существует в идее и др.) просто постулируются, а не являются результатом проверки выполнения этими положениями критериев научности.

Во-вторых, основа философии, предложенная Кантом, объясняет, как возможны в статусе науки естествознание и математика, и не объясняет, как (не)возможно в статусе науки обществознание. Для решения этой проблемы Канту нужно было бы ответить на вопрос, выхо-

дит ли мышление за границы возможного опыта при промышлении основополагающих сущностей социогуманитарных наук, и определить, существуют они абсолютно или в идее. Например, выходит ли мышление за границы опыта при промышлении сущности «государство»? Существует эта сущность абсолютно или в статусе идеи?

Анализ работ Канта показывает, что данная проблематика в его исследованиях отсутствует.

Далее, опираясь на интуицию здравого смысла человека, вряд ли можно утверждать, что люди живут в таком бедном для них внешнем мире, а именно, что они живут исключительно в чувственно воспринимаемом внешнем мире и в мире непознаваемых «вещей в себе», а все остальные сущности, к которым человек апеллирует в своей жизни, имеют лишь статус существования в идее. Ведь любой психически нормальный человек согласится, что в идее могут существовать только более простые идеи по схеме «целое и его часть», а сущностей и предметов в идеях нет. Поэтому философская парадигма, в которой онтологическая часть фактически сведена к нулю («вещи в себе» существуют вне нас, но они непознаваемы) не может быть адекватной основой философствования. Таким образом, первое слабое звено в философской парадигме Канта — это существование предметов в идее.

Конечно, можно понимать существование предметов в идее как некое их существование в воображаемом мире, ассоциируемом с идеей. Но такое понимание с необходимостью предполагает онтологию в структуре философского познания мира, и об этом нужно открыто заявить. Иначе модус мысли «существование предметов в идее» окажется не чем иным, как средством для сокрытия истины. Приведенный аргумент — это аргумент от здравого смысла.

Теперь приведем теоретические аргументы против существования предметов в идее, так как конституирование философии в статусе науки требует признания внешнего (онтологического) существования предметов по отношению к идее о них. Обратимся к трудам феноменологической школы — работам Ф. Brentano (1838–1917) и его последователей. Все представители этой школы подчеркивали интенциональность сознания, то есть его направленность на предметы. Принципиально важный шаг на этом пути сделал Э. Гуссерль. В своих исследованиях, представленных в [2], он описал мысленную методологическую процедуру — феноменологическую редукцию человеческого сознания. Согласно Гуссерлю, если из мыслимого в сознании человека некоторого физического предмета последовательно убрать все его феноменологические свойства, то есть свойства, которыми опыт

наделяет предмет через ощущения и восприятия, то в конечном счете останется его чистая интенция — априорная направленность сознания человека на предмет.

Как отмечается в Философском энциклопедическом словаре (М., 1984), Гуссерль, как и ранний Brentano, считал, что все предметы интенциональных актов существуют *eo ipso intramental* (внутри сознания). Однако поздний Brentano признавал, что объекты интенциональных актов всегда трансцендентны сознанию. Таким образом, можно констатировать, что феноменологическая школа дала ясный аргумент для признания существования предметов, мыслимых в трансцендентальных идеях метафизики Канта, или, другими словами, в чистых понятиях разума, вне этих идей.

С этих позиций можно увидеть, что феноменологическая школа неявно поставила кардинальный вопрос: существуют ли метафизические сущности, которые мыслятся в описанных Кантом трансцендентальных идеях, в сфере субъекта познания — или они имеют по отношению к сознанию познающего человека внешнее (онтологическое) существование, то есть находятся в сфере объекта познания?

В книгах по онтологии [7], гносеологии [8] и общей логике [9] мы подтвердили онтологический статус существования объектов в идее через обнаружение относительности границы между субъектом и объектом и через уточнение с помощью средств логики различения *мысли* и *объекта мысли*.

Относительность границы между субъектом и объектом проявляется в следующих трех возможных пониманиях субъекта:

1) субъект познания — это отдельный человек как физико-метафизическое существо, то есть как существо телесно-сознательное;

2) субъект познания — познающее сознание человека, мыслимое как *Я*. При таком понимании *Я* тело познающего человека относится к сфере объекта;

3) субъект познания — это надсознательное *Я*, осмысливающее свое сознание. При таком понимании субъекта познания *сознание человека* рассматривается как объект познания. Данная ситуация возникает при акте рефлексии, то есть в случае, когда познающее *Я* осмысливает содержание своего сознания.

Очевидно, что при рассмотрении понятия «существование предметов в идее» субъект познания находится в позиции (3). Его интенция направлена на объект «понятие "существование в идее"». Из теории понятия, выступающей разделом общей логики, мы узнаем, что понятие есть смысл имени, то есть мысль, посредством которой человек выделяет вне мысли определенный класс предметов. Это обстоятель-

ство фиксируется различием в понятии основного содержания и его объема. Таким образом, основное содержание понятия обладает интенциональностью. Об этом более подробно нами написано в [9, с. 71 – 72].

Если мы теперь рассмотрим утверждение Канта о существовании Бога в идее с учетом описанной познавательной ситуации, то это будет означать, что в данном случае субъект познания находится в позиции (3) и рассматривает понятие «существование Бога в идее» в качестве объекта на основе интенциональности сознания субъекта в позиции (3). Далее на основе интенциональности основного содержания понятия *Бог* мы обнаруживаем, что в воображаемом мире, созданном мыслящим человеком (позиция Канта), сущность *Бог* должна иметь внешнее, то есть онтологическое, существование.

Рассмотренное применение общей логики в решении описанной теоретико-познавательной проблемы показывает необходимость включения логики в теорию познания в качестве наиболее точной ее части. В работах [8, с. 37 – 38; 9, с. 98] мы описали интенциональность суждений как мыслей (смыслов) повествовательных предложений, что также подтверждает необходимость включения логики в теорию познания. Тем самым мы продемонстрировали успешное развитие в отечественной философии традиции, заложенной А. И. Введенским в его книге «Логика как часть теории познания» (Петроград, 1917), – традиции рассматривать логику как необходимую часть теории познания, что открывает возможность применения когнитивного подхода при конституировании систематической философии в статусе науки.

Это конституирование мы начинаем с анализа следующего факта. Некоторые понятия, содержание которых задано исключительно в физикалистских терминах, являются пустыми. Например, понятие «крылатая лошадь» имеет пустой объем. Такая же сущность, как *государство*, которая выступает умозрительной конструкцией и которую нельзя фиксировать органами чувств, наделяется статусом существования всеми нормальными людьми.

Обстоятельства такого рода позволяют утверждать различные виды существования физических и метафизических сущностей на основе определенных критериев и включить в систематическую философию *экзистологию*, науку о существовании, которая должна стать общей основой философствования и неотъемлемой частью систематической философии в статусе науки. В *экзистологии* мы различаем внешнее, то есть онтологическое существование сущностей, и внутреннее, то есть их гносеологическое существование. При этом в качестве необходимо-

го (внешнего, онтологического) условия существования различных сущностей мы предлагаем рассматривать условие их непротиворечивой мыслимости. Для онтологического существования сущностей в статусе знания — это их непротиворечивость и интерсубъективность. Для онтологического существования сущностей в статусе рациональной веры — их непротиворечивость и субъективная мыслимость [7, с. 159–172]. В самой метафизике как наиболее теоретической части философии *экзистология* предназначена выполнять основополагающую роль в обосновании существования либо несуществования ее сущностей. Назовем эту часть метафизики *экзистенциальной метафизикой*. Критерии онтологического существования сущностей в статусе знания, описанные в ней, аналогичны роли опыта в естествознании: они, как и опыт, придают суждениям метафизики статус необходимых либо практически необходимых суждений и создают в ней твердое ядро для конституирования философии в статусе науки.

При этом опыт в экзистенциальной метафизике замещается мысленным экспериментом, а сам процесс установления истинности/ложности экзистенциальных суждений метафизики автоматически обосновывает наличие либо отсутствие определенных признаков у мыслимых метафизических сущностей и складывается из следующих шагов:

- 1) дается определение анализируемой метафизической сущности;
- 2) выбирается релевантный для данной сущности тип ее существования;
- 3) в мысленном эксперименте устанавливается (не)выполнение критериев для типа существования данной сущности.

Далее на основе различения метафизических, физических и физико-метафизических сущностей конструируется предельно полная предметная область философии — философская картина внешнего мира. В ней физические объекты делятся на реальные микро-, макро- и мегаобъекты и воображаемые физические объекты; метафизические — на метафизические объекты философии, психологии, физики, логико-математических и социогуманитарных наук. При этом физико-метафизические объекты — это отдельные люди, социогруппы и общество в целом. Следующий шаг — обоснование средствами экзистологии определенных модусов их существования.

По аналогии с естественно-научными теориями мы также различаем передний край метафизики и философии (множество утверждений в статусе веры), ее твердое ядро (множество утверждений в статусе знаний) и историческую часть (множество фальсифицированных

философских утверждений о существовании сущностей). Важное значение в конституировании научной систематической философии имеет описание процесса обоснования истинности протокольных (синтетических *a posteriori* — в терминологии Канта) высказываний эмпирического естествознания. На этой основе уточняются понятия зеркального и незеркального отражения, различаются понятия *истины* в онтологическом и гносеологическом смысле, вскрывается единая природа корреспондентной, когерентной и прагматической истины через их квалификацию в качестве видовых понятий по отношению к родовому понятию «истина».

Описанные инновации позволяют построить общую основу философствования в виде следующей модели *систематической философии*. В своей онтологической части она есть схема предельно общего мировоззрения, в которой выделяется онтологическая переменная — некоторое единое метафизическое первоначало мира типа *causa sui*. Вместо этой переменной можно подставлять, например, абсолютную идею, физический вакуум как метафизическую материю, Бога и др. На основе экзистологии обосновывается возможность существования данных сущностей в статусе веры и постулируется, что эти конкретные внепространственные и вневременные первоначала детерминируют возникновение пространственно-временного физического бытия, длительное развитие которого порождает смешанное (физико-метафизическое) бытие — то есть социум.

Решение вопроса о том, какую метафизическую сущность типа *causa sui* положить в основу предельно общего мировоззрения, зависит от того, насколько корректно она описана: не входит ли она в противоречие с более твердо установленными философскими принципами и достаточно ли детализирована для предельно глубокого объяснения всех аспектов философской картины мира человека, включая и объяснение внутреннего мира его самого. Очевидно, что предложенная схема позволяет конституировать как системы светской философии (с абсолютной идеей, метафизической материей и другими составляющими в их основе), так и системы религиозной философии (с Богом в ее основе) и показать, что системы религиозной философии по полноте и глубине объяснения мира человека будут иметь преимущество перед системами светской философии.

Важно иметь в виду, что предложенная общая модель философствования в своей экзистологической части обосновывает существование некоторых метафизических сущностей не только в статусе веры, но и в статусе знания (число, функция — в математике, истина, ложь — в логике, государство — в социополитических науках). Это позволяет вы-

делить в философской теории твердое ядро и придать ей статус научной. На наш взгляд, большое научно-практическое значение в перспективе будет иметь *систематическая философия*, полученная из общей модели философии посредством подстановки в ней вместо онтологической переменной типа *causa sui* философского понятия «Бог» как единого, вечного, неизменяемого, всемогущего, вездесущего, всеведущего, всеблагого, всеправедного, вседозволенного, всеблаженного метафизического начала, творца всего сущего [5, с. 19–22]. Такая философия позволяет всем ученым и образованным людям на принципах деизма совмещать в себе ментальность верующего человека с ментальностью ученого. *Систематическая философия* открывает людям существование Бога, который сотворил мир, а отдельные науки (естествознание, математика, логика, обществознание) вооружают людей средствами познания сотворенного Богом мира. При этом такая философия способна обеспечить продуктивный миролюбивый диалог между представителями различных мировых религий (христианства, иудаизма, ислама, буддизма и др.) и конфессий внутри них.

Вышеперечисленными атрибутами Бог наделяется во всех мировых религиях и религиозных конфессиях. Поэтому такая философия, по нашему мнению, будет способствовать сближению не только христианских конфессий (православие, католицизм, лютеранство, протестантизм), но и мировых религий и предотвращению религиозных войн. И наделение Бога, в его философском понимании, одними и теми же атрибутами позволяет выдвинуть самую глубокую философскую гипотезу: один и тот же Бог как единое метафизическое первоначало мира исторически открылся народам в силу их культурно-языковых различий совокупностями различных деяний, описанных в священных книгах, которые своими сюжетами лишь внешне отличаются друг от друга. Таким образом, философское понимание Бога сохраняет для человечества оптимистическую перспективу его жизнедеятельности.

Изложенное понимание *систематической философии* как науки показывает, что все науки дают человечеству информацию и в статусе знания, и в статусе рациональной веры. Понятно, что информация в статусе рациональной веры обеспечивает людям свободу воли и позволяет каждому человеку совершать поступки как на основе страха, так и на основе совести. Данное обстоятельство проливает свет на отношение между государством и церковью. Государство как регулятор межличностных отношений через включение в систему права различного рода наказаний человеку за его неправильное поведение побуж-

дает людей совершать правильные поступки, опираясь преимущественно на чувство страха перед неотвратимостью наказания, в то время как церковь в регулировании поведения человека в земной жизни опирается преимущественно на его чувство совести, побуждая совершать правильные поступки не за страх, а за совесть, без насилия, без принуждения. А само право наказания церковь отдает высшему божественному суду, то есть Богу.

Отсюда следует, что государство и церковь как регуляторы межличностных отношений, во-первых, должны быть отделены друг от друга; во-вторых, государство всегда должно оставаться светским институтом и не возводить в ранг преступления нарушение норм нравственного поведения, перечисленных в священных писаниях различных религий и конфессий (хотя частично эти нарушения должны подпадать под санкции уголовных кодексов). Так, например, обстоит дело с заповедями «не лги», «не убий», «не укради» из десяти заповедей Моисея в библейских традициях. И наконец, отсюда следует, что религиозное мировоззрение, приобретаемое людьми на основе *систематической философии* в статусе науки, имеет исключительно личный характер и не должно рассматриваться как руководство к действию для государственных органов и институтов.

Именно в ипостаси личностного, индивидуального религиозное мировоззрение побуждает человека совершать поступки на основе не чувства страха, а чувства совести. Эта максима поведения является самым эффективным средством нравственного совершенствования каждого отдельного человека и, в конечном счете, всего человеческого сообщества.

Например, в настоящее время, как никогда раньше в истории, для многих государств стала актуальной борьба с коррупцией. Конечно, включение антикоррупционных мер в уголовные кодексы различных государств существенно понижают уровень коррупционности в них. Однако эти меры не способны полностью искоренить коррупцию как феномен общественной жизни. Полное ее искоренение возможно лишь в ситуации, когда чиновники различных уровней в структуре государства станут исполнять свои служебные обязанности не на основе страха, а на основе совести. Конечно, и людям чисто светского мировоззрения присуще чувство совести, но думается, что оно значительно обостряется и у дающего взятку, и у берущего ее, если эти люди исповедуют, например, христианские моральные ценности и осознают, что как дача, так и получение взятки в определенном смысле нарушают заповедь «не укради». Такое моральное сознание вызывает

у этих людей сильные угрызения совести вплоть до мысли «как я буду с этим жить дальше», и возможно, эта мысль способна предотвратить акт коррупции.

Конечно, неверующий посчитает описанную ситуацию утопией, но думается, что глубоко верующий человек оценит ее как вполне реалистическую.

Теперь кратко перечислим главные шаги, конституирующие систематическую философию в статусе науки.

Используя когнитивный подход в конституировании *систематической философии* в статусе науки, мы свели понимание ее научности к простому и ясному критерию: в научной теории необходимая истинность ее суждений должна обосновываться посредством некоторой общезначимой и эффективной процедуры, извлеченной из опыта или из других наук. На этом пути мы провели три возможные границы между субъектом и объектом и уточнили понятие рефлексии. С помощью логической теории понятия уточнили понятие интенциональности и обосновали онтологическое бытие не только физических, но и метафизических объектов. Используя точный язык современной символической логики, показали непротиворечивость понятия «объект типа *causa sui*», обосновали несуществование противоречиво мыслимых сущностей, отклонили тезис Беркли о том, что вещи суть совокупности наших ощущений, эксплицировали принцип конкретности истины, показали эффективность различения аналитических суждений в узком и в широком смысле. Мы продемонстрировали необоснованность математической антиномии Канта, согласно которой мир конечен и бесконечен в пространстве и времени; используя результаты современной логики и математики, описали образы когерентной истины в этих науках. Более полная картина применения когнитивного подхода в онтологической и гносеологической части систематической философии нами представлена в книгах [6–9]. Приведенные в них данные показывают, что все принципиально важные положения *систематической философии* обоснованы нами посредством определенных методологических процедур — и это подтверждает ее научный статус.

В заключение кратко представим дорожную карту конституирования систематической философии по книгам [6–9].

В книге «Метафизика, философия, теология, или Сумма оснований духовности» (1996) дано первое, еще предварительное изложение заявленных в настоящей статье проблем. Поэтому ее следует рассматривать как введение к последующим работам: «Проблема научности

философии» (2007; второе, уточненное и дополненное приложением издание – 2012), «Проблема научности философии» (Часть II. Теория познания, 2008). В этих книгах дано более детализированное и систематизированное изложение названных проблем. В книге «Общая логика как практическая» (2013; второе, уточненное и дополненное приложением издание – 2015) описан логический инструментарий, адаптированный к анализу философских проблем.

В работе [7] проведена граница между онтологией и гносеологией как частями *систематической философии* и дан более конкретный анализ проблем онтологии в античной философии и философии Средневековья, рассмотрены вопросы онтологии в философии Нового времени; осуществлена рефлексия над проблемами онтологии в свете данных современной физики и материалов истории философии; отклонены общие аргументы Канта против возможности положительной теоретической метафизики в статусе науки, а также аргументы Карнапа об отсутствии предметной области в метафизике; описана экзистология как философская наука о существовании и твердое ядро систематической философии; показана непротиворечивость логики описания гетерогенных объектов физической, метафизической и физико-метафизической природы.

В книге [8] дана общая характеристика классической теории познания, изложены методологические принципы ее научности, представлена общая характеристика познавательного процесса в классической теории познания, раскрыта проблемность дихотомии «сенсуализм – рационализм» в классической теории познания, проблемность учения об истине. Здесь же предложены решения поставленных проблем, путь согласования корреспондентной теории истины как соответствия знания объекту с кантовским различием «вещей в себе» и «вещей для нас».

В работе [9] представлена новая модель концептуализации общей логики в статусе практической, позволяющая включить в число логичных правдоподобные умозаключения и тем самым, в своем применении к развертыванию правдоподобных умозаключений *систематической философии*, позволяет повысить ее научный статус. Здесь также отклонена часть диалектической логики, которая претендовала на квалификацию суждений вида $A \wedge \neg A$ в качестве истинных.

Указанные книги содержат и большое количество частных инновационных деталей, осмысление которых позволит читателю получить более конкретный и целостный образ процесса конституирования *систематической философии* в статусе науки.

Список литературы

1. Кант И. Собрание сочинений : в 6 т. М., 1963 – 1966.
2. Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994.
3. Половинкин С. М. Всё // Вопросы философии. 2002. №4. С. 31 – 42.
4. Половинкин С. М. Всё. (Опыт философской апологетики). М., 2004.
5. Серафим Слободской, протоирей. Закон Божий. М., 2007.
6. Троепольский А. Н. Метафизика, философия, теология, или Сумма оснований духовности. М., 1996.
7. Троепольский А. Н. Проблема научности философии. Изд. 2-е. М.; Брянск, 2012.
8. Троепольский А. Н. Проблема научности философии. Ч. 2 : Теория познания. М.; Брянск, 2008.
9. Троепольский А. Н. Общая логика как практическая. Брянск, 2015.

Arkady Troepol'sky

SYSTEMATIC PHILOSOPHY AS A FIELD OF SCIENCE

The article shows that the common ground of philosophizing was lost with the emergence of Kant's critical philosophy. The provisions of the phenomenological school of the intentionality of human consciousness as well as the provisions of the general logic served as a background to revealing the weak point of Kant's system, that is the existence of objects in the idea. Then the idea of correctness of the ontological assumptions of metaphysical entities existence, in particular of God, is recovered. The research concludes on the viability of scientific status for the systematic philosophy.

Key words: *systematic philosophy, secular philosophy, religious philosophy, metaphysics, the relativity of boundaries between subject and object, criteria of scientific theories, the intentionality of consciousness, existology, philosophical picture of the world, God.*